

“ПОКЛОНИТЕСЬ ОТ МЕНЯ СПАССКОМУ...”

Спасское-Лутовиново. Дуб. Пруд. Луг за усадьбой. Колокольчики в скошенной траве. Липы старого парка. Сидели на старом спиленном стволе, который при жизни Ивана Сергеевича, возможно, был живым могучим деревом.

Широкое отражение в пруду дуба и тонкое – белых продольных березок. Вода пруда, тихо идущая, как время и жизнь.

А накануне в музее в Орле – посмертная маска Тургенева, еще не старого, но преждевременно состарившегося человека “Senilia” (“Старческое”) – так назвал он свои “Стихотворения в прозе”. И одиночество этих “Senilia”. Тоска по далекому – всю жизнь – по родине, по единственности выбора в любви, по своему дому, которого писатель так и не дождался. По – так и не случившемуся у него – соединению родины и любимой женщины, любви...

1852 год. “Senilia” Артура Шопенгауэра. Интересно, не вслед ли ему и Тургенев? Весьма возможно.

Черные стволы огромных лип. Ограда вокруг дуба-свидетеля. Выпавшая случайному дереву счастливая жизнь. Отмеченность среди сотен тысяч дубов всей России. Огромный, ветвистый, лохматый и очень старый дуб. Полтора столетия. Исполн. Свидетель. Немой и невольный. Как ценим мы людей, живых свидетелей ушедшей и святой для нас жизни, так же точно и дерево, видевшее Тургенева, вызывает у нас благоговение.

Администратор гостиницы в Мценске:

– Вот вам ключи от трехместного номера в небольшом домике типа коттеджа, но жить там вы будете одна, посетителей мало, мертвый сезон.

Что ж, неплохие условия для размышлений о Тургеневе.

Ах Иван Сергеевич, Иван Сергеевич! Всё чужие земли, чужие дома, чужие ландшафты. Я вот сейчас на той земле, о которой вы грезили под Парижем, и умереть на которой вам так и не пришлось.. “Поклонитесь от меня Спасскому...” Эту боль сердца читает сегодня всякий проезжающий по шоссе мимо вашей усадьбы. А кто-то вот так же смотрит на землю Армении, где нет сегодня меня...

И я вспомнила русских солдат, строивших военный домик под Арташа'том, почти прямо у подножия Арарата, в трех километрах от него. Гора слепила красотой, апрельскими синими белыми снегами и начиналась прямо за спиной у солдат. Гора была огромной и прекрасной. Но это была чужая гора. Каждый из них мечтал скорее закончить службу и снова попасть в

привычный влажный простор русских полей, на землю России, туда, где родилось их сердце. Как вы в Париже и Медоне, как я сейчас у вас в Спасском, как Бунин в Грассе, как Байрон, уже тяготящийся югом, как Мачадо во Франции, как Данте вдали от родной Флоренции, как... Тоска, разлука, конечно, продуктивны. Они обостряют внутреннее зрение и любовь. Но зачем обострять то, что и так не уходит из великого сердца.

Мне скажут: судьба. Мне скажут: Полина Виардо. О да! Ей трудно было понять, что липы Спасского и думы великой души растут из одной почвы. Что родной ландшафт и воздух родины — это не просто колыбель, но сам дух творчества. А о том, что ландшафт — это дух, давно поведали пейзажисты. “Счастливы тот, кто умирает на родной земле” было написано на гробе великого армянского композитора Комита'са. Грустно, когда в родную землю ложится только тело. Ведь как живое тоскует о живом! А земля родины и великий дух — это и есть два живых существа, любовно переплетенные и слившиеся, более того, — изначально неразсторжимые. Посему изгнание поэта из родных пределов есть слепота, и зверство. Женщина чуждого племени, отнявшая у поэта родину, — другое зверство судьбы. Но, читая великие жизни, я снова и снова наталкиваюсь на эту тайную силу — непонятную, неустанную и упорную. И невольно приходит на ум: судьба не любит полноты. Иначе чем объяснить эту ее таинственную мстительность? “Злобой великого” называл это Ницше. Но судьба не любит пристального наблюдения за ней. Точно так же, как всё слишком великое не любит осуществляться. Слишком большая гармония разрушает сама себя. Слишком великий дух, нашедший великое тело (ландшафт), — им противопоказана жизнь... Почему? Это ведомо только тому, кто знает, почему на земле нет некрасивых ландшафтов...